

Министерство по национальной политике Республики Дагестан
Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение "Дагестанский государственный университет"
Филологический факультет

Вопросы кавказского языкознания

Выпуск 11

2015

Материалы международной научно-практической конференции

«Проблемы сохранения и развития языков народов РФ»

в рамках

Фестиваля родных языков Дагестана

ISSN 2412-8600

Махачкала 2015

ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА УДИНСКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ*

The paper focuses on certain affinities between the verbal systems of Udi – a Nakh-Daghestanian language of northern Azerbaijan, and Azerbaijani – a dominant Turkic language of the area, which has been in contact with Udi for several centuries. Among the features being considered are the opposition between the aorist and the perfect, the existence of two future tenses (one of which is an “old present”), the “young” present tense going back to the locative form of the infinitive, etc. Some of the cases undoubtedly represent the Azerbaijani influence on Udi (cf. the borrowed conditional enclitic *-sa*), while some of the attested similarities may represent either contact-induced or independent development.

Удинский язык, исторически распространенный на севере Азербайджана, в самой южной точке нахско-дагестанского языкового ареала, является, бесспорно, одним из наиболее необычных языков этой семьи. Его фонетическая и грамматическая структура во многом отклоняется от привычного «среднедагестанского» стандарта¹, причину чего следует прежде всего искать в интенсивных контактах с неродственными языками — в особенности персидским (и другими иранскими), армянским и азербайджанским. Сходства между удинским и азербайджанским языками, на материале некоторых фрагментов глагольной системы, и будут далее предметом нашего рассмотрения.

Наиболее интенсивным было влияние азербайджанского на ниджский диалект — один из двух основных удинских диалектов, на данных которого и основано дальнейшее изложение. Центром распространения этого диалекта является крупный поселок Нидж в Габалинском районе Азербайджана. Следует, при этом, отметить, что за последние десятилетия расселение удин претерпело значительные изменения: большинство удин проживают в настоящее время в России, главным образом в южных регионах (Краснодарский и Ставропольский край, Ростовская область). Перепись 2010 г. зафиксировала в России 4267 удин, в Азербайджане же по переписи 2009 г. их было несколько меньше — около 3800 чел. Влияние азербайджанского языка на удин, проживающих в Азербайджане, остается высоким вследствие того, что все удины владеют государственным языком; для российских удин по понятным причинам всё большую роль играет воздействие со стороны русского языка.

Контактное влияние азербайджанского языка на удинский проявляется и на фонетическом, и на морфологическом и синтаксическом, и на лексическом и фразеологическом уровнях — как в виде прямых заимствований, так и в виде калькирования (см., в частности, достаточно подробный обзор в работе [Гукасян 1973], а также разбор некоторых частных сюжетов в [Гукасян 1968; 1977; 1978]). Так, в области грамматики В. Л. Гукасян отмечает в удинском ряд заимствованных суффиксов (например, *-лугъ* в именах существительных, *-миш* и *-ламиш* в сложных глаголах, *-умджи* // *-имджи* в порядковых числительных), некоторые

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00345.

¹ Ср. переход абруптивов в непридыхательные смычные («преруптивы»), небольшое число падежей, утрату классного согласования, развитие уникальной системы лично-числовых «эндоклитик», появление наряду с эргативной также аккузативной стратегии кодирования, активное использование финитных подчинительных конструкций и пр.

появившиеся под азербайджанским влиянием виды редупликации и модели образования сложных слов, использование у местоимений дейктического элемента *гьа-* (*ha-*), процесс «деградации эргативной конструкции» и использование союзной связи в сложных предложениях [Гукасян 1973: 28—45].

В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением некоторых общих черт в удинской и азербайджанской глагольных системах, не затронутых В. Л. Гукасяном, однако представляющих интерес. Сразу оговоримся, что наличие подобных сходств не всегда означает, что соответствующее явление появилось в удинском именно под азербайджанским влиянием (к этому вопросу мы еще вернемся в конце работы). Тем не менее, само по себе выявление общих грамматических черт у ареально смежных, однако неродственных языков полезно для определения круга потенциальных контактных явлений и более точного описания «типологического профиля» данного ареала. Дальнейшие исследования помогут определить, что из наблюдаемых сходств действительно является следствием воздействия одного языка на другой, а что следует объяснять иначе.

Ниже при характеристике азербайджанской глагольной системы мы ориентируемся главным образом на грамматику, составленную АН Азербайджанской ССР и изданную в 1971 г. под редакцией М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна (далее «ГАЯ 1971»); соответствующие разделы в книге в основном написаны З. И. Будаговой, частично также А. М. Джавадовым и Т. А. Эфендиевой. При описании явлений удинского языка мы опираемся на собственные данные по нижескому диалекту, в т.ч. опубликованные в статьях [Майсак 2008; 2014] и др.

Прежде всего, остановимся на сходствах в ряде ключевых видо-временных противопоставлений — в том числе на самом наборе форм индикативной парадигмы и их значениях.

1. В подсистеме форм прошедшего времени основное различие в обоих языках проходит между формами **аориста и перфекта**. Удинский аорист на *-и* и азербайджанский аорист («прошедшее категорическое» или «прошедшее очевидное») на *-ды / -ду²* имеют значение прошедшего времени совершенного вида (перфектива) и наиболее часто используются в нарративных текстах для передачи следующих друг за другом событий. Интересно, что в обоих языках этим формам свойственно и использование в значении будущего в особых контекстах — при указании на ситуацию, которая может вот-вот произойти: ср. удинское *Беъгъа, мучъанакъ посепи* 'Смотри, молоко сейчас убежит' (букв. «убежало») или азербайджанское *Динин, јохса вурдум!* 'Отвечайте, иначе буду стрелять!' (букв. «...или я выстрелил») [ГАЯ 1971: 124].

В обоих языках перфективное прошедшее противопоставлено перфекту, т.е. форме, выражающей значимый для момента речи результат события в прошлом: в удинском она имеет суффикс *-е*, в азербайджанском к перфекту («прошедшему повествовательному») относятся формы на *-мыш / -миш* и на *-ыб / -иб*. Это более редкая форма, которой использование в нарративе как раз не свойственно; так, по подсчетам в работе [Майсак 2014], в современном удинском переводе Евангелия от Луки перфект встречается примерно в семь раз реже, чем аорист, и почти исключительно (в 95% случаев) в прямой речи персонажей. Перфекту также свойственно экспериенциальное, или «общефактическое», значение, описывающее опыт участия в определенной ситуации ('делал хотя бы раз'), ср. удинское *Калпезу каъ гиркаъ* 'Я читал эту книгу' или азербайджанское *Мән аз көрмәмишән бу сарајлары...* 'Немало видел я таких дворцов...' [ГАЯ 1971: 126].

2. В обоих языках отмечается по две основные формы **будущего времени**. Одна из форм, а именно «будущее основное» на *-ал* в удинском, и «будущее

² Здесь и далее мы не приводим все алломорфы азербайджанских грамматических показателей, вид которых определяется гармонией гласных.

категорическое» на *-ачаг / -эчэк* в азербайджанском, имеет более нейтральное, собственно футуральное значение. Дистрибуция второго будущего более интересна. В удинском «будущее потенциальное» на *-о* описывает ситуации в будущем с модальным оттенком предположения, неуверенности. Однако, помимо футурального значения, едва ли не более частотными являются два других употребления этой формы. Во-первых, «будущее потенциальное» выступает в генерических, вневременных контекстах (в т.ч. пословицах), ср. *Тайнутл ходен хожи тене сако* 'Дерево без ветвей тени не дает'. Во-вторых, эта форма встречается в нарративных текстах в функции «настоящего исторического» при описании следования событий друг за другом (более распространен в этой функции, впрочем, презенс на *-са*, о котором см. ниже).

Аналогично, азербайджанское «некатегорическое будущее» на *-ар / -эр* описывает «действие, совершение которого в будущем предполагается, но категорически не утверждается», может иметь «вневременное значение» и, наконец, используется «вместо прошедшего» в повествовании «для более живого описания события в стилистических целях» [ГАЯ 1971: 137—138]. В книге [Будагова 1982: 80] эта форма характеризуется как «настоящее-будущее время», что даже более адекватно характеризует ее семантику. С диахронической точки зрения эта форма представляет собой то, что в типологии называют «старыми презенсами» — исходно презентную форму, в ходе эволюции постепенно сдвинувшуюся в футуральную область и частично либо полностью утратившую чисто презентные значения (о типологии подобных форм см., в частности, [Haspelmath 1998]; о судьбе презенса на *-r* в тюркских языках см. [Тенишев (ред.) 1988: 404—405]). Для удинского «будущего потенциального» на *-о* имеет смысл постулировать аналогичный путь развития (см. подробнее [Майсак 2008]), хотя он и остается гипотетическим — в языке кавказско-албанских палимпсестов эта форма не отмечена, поэтому документальных свидетельств о ее истории мы не имеем³.

3. Чрезвычайно любопытным является совпадение по структуре основного **презенса** удинского языка на *-са* и азербайджанского «настоящего длительного» на *-магда*. Дело в том, что формы настоящего времени лезгинских языков, как правило, восходят к аналитическим структурам с деепричастием несовершенного вида (имперфектива) и вспомогательным глаголом в настоящем времени («делая есть», «делая находится»). В удинском подобная конструкция отсутствует, а презенс явным образом произведен от инфинитива на *-ес*, ср. инфинитив *бакес* 'быть, стать', *эйес* 'приходить', *кархес* 'жить' и соответственно формы презена *бакса* 'есть, имеется', *эйса* 'приходит', *кархса* 'живет' и т.п. (с выпадением безударной гласной в показателе *-ес*: *бак-са* < **бак-ес-а* и т.п.). Согласно гипотезе, предлагаемой в [Майсак 2008], презенс на *-са* является результатом развития дательного падежа инфинитива: в удинском, в отличие от ряда лезгинских языков, инфинитив склоняется, и в дательном падеже оканчивается именно на *-с-а* (где *-а* — показатель датива). Таким образом, формы типа *бакса* на самом деле синкретичны и формально-морфологически могут представлять собой как презенс, так и датив инфинитива. При этом показатель датива *-а* в удинском является инновацией и восходит к локативному падежу (ин-эссиву), в ходе эволюции получившему более широкий спектр функций: в современном удинском датив используется в значении местонахождения и движения к цели, а также кодирует адресата и определенный прямой объект. Это означает, что датив

³ Кавказско-албанские палимпсесты, обнаруженные З. Алексидзе в монастыре Св. Екатерины на Синае и признанные памятником древнеудинского языка, изданы в книге [Gippert et al. 2008]; см также [Майсак 2010]. Исследователи датируют их периодом между концом VII в. и X в., то есть периодом, предшествующим интенсивным тюркско-удинским контактам.

инфинитива фактически мог иметь не только целевое значение («к деланию, для делания»), но и значения нахождения «в действии» (условно, «в делании, в процессе делания»), которое фактически соответствует значению настоящего времени.

В азербайджанском же, наряду с более древним настоящим временем на *-ыр*, имеется форма «настоящего длительного» на *-магда*, показатель которого представляет собой локативный падеж на *-да* от инфинитива на *-маг / -мэк*, ср. *јазмагда-дыр* ‘он пишет (находится в процессе писания)’ с показателем 3 л. ед.ч. - *дыр* [ГАЯ 1971: 137]. Мы видим здесь полный структурный (но, естественно, не материальный) параллелизм удинской формы на *-с-а* и азербайджанской на *-маг-да*, что заставляет поставить вопрос о возможной контактной природе такого сходства. Учитывая отсутствие модели «локативного инфинитива» в качестве источника презенсов в других лезгинских языках, наиболее вероятен сценарий, по которому удинская форма калькировала соответствующую азербайджанскую⁴.

4. Обоим языкам свойственно регулярное образование особого ряда **«составных» форм прошедшего времени**, симметричных простым формам настоящего, будущего и прошедшего. Речь идет о сочетаниях финитных форм со связками прошедшего времени — энклитики *-й (-ий)* в удинском и *иди* (обычно клитизуемой до *-ды*) в азербайджанском. Так, длительное действие в прошлом выражается в обоих языках сочетанием презенса или «настоящего длительного» с клитикой прошедшего времени, ср. удинское *кархса-й* ‘жил’ (при презенсе *кархса* ‘живет’) или азербайджанское *јазмагда иди // јазмагдајды* ‘он писал тогда, писал долго’ (без *иди* форма имеет значение настоящего времени, см. выше) [ГАЯ 1971: 134—136]. Сочетание перфекта и связки прошедшего времени функционирует как плюсквамперфект, т.е. «преждепрошедшее» или «давнопрошедшее» время, ср. удинское *цампене-й* ‘уже написал (к тому моменту)’ или азербайджанское *јазмышды* ‘он (на)писал раньше // давно // когда-то’ [ГАЯ 1971: 133—134]. Аналогично, «будущее в прошедшем» образуется сочетанием основной формы будущего и клитики прошедшего времени.

Подобная морфологическая техника — соединение финитной формы, имеющей собственную временную референцию, с показателем прошедшего времени, «отодвигающую» эту временную референцию в план прошлого или «сверхпрошлого», известна в типологии грамматических категорий как «ретроспективный сдвиг» [Плунгян 2001] и представлена и в некоторых других нахско-дагестанских языках (в частности, лезгинском).

Говоря о показателях прошедшего времени, нельзя не отметить и одно существенное расхождение между удинской видо-временной системой и азербайджанской. В отличие от большинства нахско-дагестанских языков, в современном удинском языке не грамматикализована категория **эвиденциальности** (выражающая источник сведения говорящего о ситуации: была ли она засвидетельствована им лично или же знание о ней получено косвенным путем — с чужих слов, в результате логического вывода и пр.). В азербайджанском же эта категория, хотя и в достаточно ослабевшем виде, присутствует. «Недостовверные значения — колебания, неуверенность» отмечаются у формы перфекта на *-миш*, хотя лишь в случае дополнительной контекстной поддержки (с выражениями типа ‘говорят’, ‘кажется’, ‘как будто’) [ГАЯ 1971: 127]. Однако связка прошедшего времени *имиш* является уже регулярным средством указания на косвенную засвидетельствованность, сочетаясь, как и связка *иди*, с различными видо-временными формами. Формы на *имиш* передают

⁴ При этом более древний презенс удинского языка (отраженный, в частности, в кавказско-албанских палимпсестах в качестве основного настоящего времени) в современном удинском был вытеснен в зону косвенных наклонений — сейчас это настоящее время конъюнктива.

события в прошлом «с различного рода модально-субъективными оттенками сомнения, недостоверности, неуверенности, колебания, заключения, вывода, допущения и т.д.» [ГАЯ 1971: 128]. Так, упомянутому выше плюсквамперфекту *јазмыш-ды* 'он (на)писал раньше // давно // когда-то' (с клитизованной связкой *иди*) противопоставлена форма *јазмыш-мыш // јазыб-мыш* 'кажется // оказывается // вероятно, (на)писал (но об этом стало известно из косвенных источников)' со связкой *имиш* [ГАЯ 1971: 134]. В данном случае мы видим, что даже контактное влияние азербайджанского и других языков ареала «не помогло» удинскому развить эвиденциальные противопоставления (если они не существовали в этом языке ранее) или хотя бы сохранить их (если ранее на каком-то этапе развития они были свойственны удинскому).

Помимо параллелей в структуре глагольной парадигмы, обращает на себя внимание общность некоторых **путей грамматикализации** глагольных лексем, свойственных обоим языкам. Так, глагол движения 'приходить' используется в конструкции со значением гортатива: предложение совершить действие совместно ('давай сделаем') выражается как 'пойдем сделаем'. Ср. удинское *Ай чугьух, еки, ме тавасара тойден!* 'Жена, давай продадим эту сковородку!' или азербайджанское *кәл отураг* 'давай посидим': здесь *еки* и *кәл* исходно — императивы глаголов со значением 'приходить'⁵.

Еще одна удинская конструкция, структурно тождественная азербайджанской, используется для выражения значения 'чуть было не', ср. *беш клож малеманди боклийний* 'наш дом чуть не сгорел'. Она состоит из наречия *мал* 'мало, немного' и формы 3-го л. ед.ч. глагола *мандес* 'оставаться', т.е. буквально «мало осталось (чтобы ...)». В азербайджанском конструкция выглядит аналогично, ср. *аз галды ки йыхылам* 'чуть-чуть не упал', где *аз* 'мало' и *галды* 'остался, осталось'.

В последнем случае, как и для возникновения презенса из «локативного» инфинитива, можно предполагать в удинском калькирование азербайджанской модели, т.е. построение конструкции по образцу языка-источника, но с использованием собственных лексических и морфологических средств. Однако в современном удинском имеется и пример прямого заимствования словоизменительного глагольного показателя. Речь идет о **клитике условного наклонения** *-са*, которая в удинском выражает значения реального условия, сочетаясь с финитными видо-временными формами, ср. *ейса-са* 'если идет'⁶ (< *ейса* 'идет, приходит'), *гьарене-са* 'если пришел' (< *гьарене* 'пришел'), *егъале-са* 'если придет' (< *егъале* 'придет') и пр. Использование азербайджанского показателя позволило заполнить определенную «лауну» в удинской системе, поскольку отдельная форма в удинском имеется только для гипотетического ('если сделает') и контрфактического условия ('если бы сделал'), реальное же условие до заимствования *-са* выражалось просто индикативными формами без специального показателя (не считая союза *аьгаьр* 'если', тоже заимствованного). Источником в данном случае послужила азербайджанская клитическая форма условной связки *исә*, которая также присоединяется к различным формам глагола, ср. *алды исә // алды-са* 'если он взял' с аористом, *алмыш исә // алмыш-са* 'если он взял' с перфектом, *алачаг исә // алачаг-са* 'если он взял' с будущим и пр. [ГАЯ 1971: 122].

Кроме того, благодаря заимствованию условной клитики в удинском появился показатель серии неопределенных местоимений, образуемых от вопросительных,

⁵ Сама по себе модель 'пойдем сделаем' как источник гортатива достаточно распространена в языках мира [Гусев 2013: 201—202; Майсак 2005: 376—378], отмечается эта модель и в родственных удинскому лезгинских языках (хотя и не во всех).

⁶ Суффикс презенса *-са* (восходящий, как говорилось выше, к дативу инфинитива) и заимствованная условная клитика *-са* являются омонимами.

ср. *шунеса* 'кто-то' (< *шу* 'кто?'), *зык/аьнеса* 'кто-то' (< *зык/аь* 'что?'), *майанеса* 'где-то, куда-то' (< *майа* 'где? куда?') и пр. В азербайджанском неопределенные местоимения образуются от вопросительных при помощи условной связки *исэ* (как правило, клитизуемой), ср. *ким исэ* // *ким-сэ* 'кто-то' (< *ким* 'кто?'), *нэ исэ* // *нэ-сэ* 'что-то' (< *нэ* 'что?') и т.п. [ГАЯ 1971: 90—91]. Такой способ образования неопределенных местоимений типологически распространен и свойствен в том числе и лезгинским языкам, использующим в функции показателя серии условную или уступительную связку (ср. в лезгинском *са вуж ят/ани* 'кто-то', где *са* 'один', *вуж* 'кто?', *ят/ани* 'если и есть'). Удинский, однако, не имел подобной модели и заимствовал ее из азербайджанского: соответственно, в роли «условной связки» была использована условная клитика *-са* с показателем 3-го л. е.д. Так, *шунеса* 'кто-то' имеет структуру «кто если есть»: за вопросительным местоимением *шу* 'кто' следует личный показатель *-не* в функции связки, а затем условная клитика *-са*.

Итак, мы рассмотрели ряд сходств, бросающихся в глаза при сопоставлении удинской глагольной системы с азербайджанской. В ряде случаев имеющиеся данные позволяют говорить о прямом влиянии азербайджанского на удинский, которое проявляется как в калькировании структурных моделей (ср. «локативный презенс» или конструкция 'чуть было не'), так и в заимствовании показателя (ср. условное *-са* из *исэ*). Однако ряд сходжений может иметь и другое объяснение. Прежде всего, они могут отражать более глобальные ареальные изоглоссы, объединяющие не только два рассматриваемых языка, но и другие языки Восточного Закавказья (в этом смысле общие черты двух языков могут оказаться результатом влияния на них обоих какого-то третьего языка, например, из числа иранских). Кроме того, для явлений, типологически распространенных (типа использования глагола 'приходить' в гортативных конструкциях), можно предполагать и независимое возникновение, вызванное когнитивной «естественностью» определенного семантического перехода.

Литература

1. ГАЯ 1971 — Ширалиев М.Ш., Севортян Э. В. (ред.) Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.
2. Гукасян В. Л. (Г. Ворошил.) Фразеологические калькирования в удинском языке // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968.
3. Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.
4. Гукасян В. Л. (Г. Ворошил.) Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным падежом в ниджском диалекте удинского языка // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.
5. Гукасян В. Л. О фонемном новообразовании // Советская тюркология. 1978. № 5. С. 33—43.
6. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
7. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
8. Майсак Т. А. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Алексеев М. Е., Майсак Т. А. (отв. ред.) Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia, 2008.
9. Майсак Т. А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 88—107.

10. Майсак Т. А. Удинский перфект в параллельном корпусе (на материале перевода Евангелия от Луки) // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 10. СПб., 2014.
11. Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. I: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001.
12. Тенишев Э. Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
13. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. The Caucasian Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 2008.
14. Haspelmath M. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15.1, 1998. P. 29—62.